

ВУЗОВСКАЯ НАУКА И СТУДЕНТЫ**А. И. Стеценко****Воронежский государственный университет**

Современное состояние вузовской науки может быть охарактеризовано с помощью различных показателей и зависит от множества факторов. Среди *показателей научной деятельности* можно назвать: характер финансирования науки; системную разветвленность и адекватность научной организации современным мировым направлениям и структурам; наличие и характер функционирования научных школ; обеспечение науки кадровыми ресурсами; информированность студенчества о состоянии дел в науке; формы, мотивы и стимулы участия в научной деятельности и др. *Факторами развития науки* считаются: уровень ее финансирования и организации; отношение власти и администрации вузовской системы к проблемам научной деятельности; развитость научных школ; степень связи учебно-познавательного и научного процессов; системность организации науки в стране, в регионе и вузе и др. В данной статье мы предпримем попытку показать роль некоторых факторов в приобщении студенчества к научной жизни, его место в научном процессе; охарактеризовать отношение молодежи к такому явлению, как воспроизводство науки.

Перспектива создания современной структуры высших учебных заведений, в частности, новых национальных университетов, где студент с первого дня обучения будет одновременно вовлечен в научную и инновационную деятельность [1, с. 5], возрождение научной базы действующих вузов — все это требует развитых научных отношений между студентами и преподавателями. Отсюда — возможность популяризации научной сферы, притока новых кадров, верное понимание роли науки в развитии общества обеими сторонами научного сообщества. У этих участников существуют собственные алгоритмы включения в научный процесс, своя мотивация участия. Так, отношение будущих специалистов с высшим образованием к научной работе как к ценности складывается на основе высокого статуса этого вида человеческой деятельности, понимаемого студенчеством в процессе научной социализации. В свою очередь, данный статус является результатом постоянного роста внимания государства к интеллектуальной форме труда, поощрения усилий в научном поиске. Он не может быть воспринят и понят без достаточного

уровня информированности. Студенческий путь в науку определяется: 1) наличием в социальной среде старших наставников, занимающихся наукой, развитых научных школ; 2) интенсивностью включенности молодежи в информационный мир, научный поиск истины, решение значимых для общества задач (в том числе — через учебный процесс); 3) наличием и работоспособностью научных школ и многими другими факторами, но начинается этот путь с уровня знания молодежи о своих возможностях; о перспективах, непосредственно зависящих от степени внимания государства к научной сфере. Только через это понимание составляющих научной жизни складывается мотивация, происходит воплощение замыслов в такие формы научного труда, как: открытие проблем, самостоятельный поиск их решения; создание курсовых и дипломных работ; участие в научных конференциях; занятие в научных кружках и т.п. Продолжается этот путь в аспирантуре, соискательстве, работе в качестве научного сотрудника.

У каждой вузовской когорты складывается свой путь в мир науки, собственные способы достижения целей и результаты, а также свой научный статус. Объект нашего внимания — студенчество, а предмет исследования — его отношение к научной деятельности, характеризующееся степенью приобщения к данной сфере. Проблема в данном случае связана с восполнением научных рядов за счет новых поколений студентов. Для нормального воспроизводства научных сил общества необходимы кадры, обладающие адекватным отношением к сущности научной деятельности. Строго говоря, формирование такого отношения начинается задолго до учебы в вузе, а в вузе уже приходится работать с тем человеческим «материалом», который есть.

Существует ряд факторов общего плана, которые определяют отношение студентов к научной деятельности. Накопление интеллектуального потенциала в самой науке, в обществе зависит и от состояния вузовской науки. О последнем же можно судить по объективным показателям (состояние отраслей науки, характер важнейших политических и административных решений по вопросам научного развития; отношение администраторов к научной сфере; экономические, финансовые условия научной деятельности, материальные условия жизни ученых, количество кон-

© Стеценко А. И., 2007

тактов с зарубежными научными организациями и т.п.), а также по относительно субъективным данным (мнение экспертов, общественное мнение).

Современное состояние науки: кадры, организация и финансирование

Исследователи отмечают, что кризис отечественной науки наступил еще в 1980-е гг. Его корни уходят в те времена, когда в официальной советской научной среде предавали анафеме генетику и кибернетику, что стало причиной отставания этих наук вплоть до 1970-х гг., в то время как в экономически развитых странах в эти годы уже приступили к промышленной реализации открытий, сделанных на основе достижений генетики и кибернетики [2, с. 17]. Идеино-политические причины обусловили отставание не только технических и естественных отраслей, но и системы общественно-гуманитарных наук. Социалистическая экономика определяла монополию на научные исследования, административное руководство, определение финансирования и кадрового обеспечения. По мнению Ф. Э. Шереги и М. Н. Стриханова, в немалой степени на качество кадров науки влияла политика искусственной занятости работников, смещающая технологические оптимумы. В целом в науке происходили сложные процессы: 1) изменение структуры, соподчинения, численности организаций и кадрового состава; 2) обновление связей между академической и отраслевой науками; между наукой, внедренческими структурами и промышленным производством; 3) изменение отношения к ценности научных направлений; 4) сокращение числа организаций, занятых проектированием новых технологий на производстве; 5) резкое снижение числа проектных, конструкторских и внедренческих организаций. Но происходило это не в результате оптимизации деятельности, а вследствие экономической невостребованности научной продукции. С начала 1990-х гг. изменился состав российских научных организаций по основным типам: произошло их дробление и, как следствие, рост числа небольших научно-исследовательских коллективов, работа которых была ориентирована на выполнение хозрасчетных заказов и зарубежных грантов. Происходило разукрупнение уже существующих организаций и образование новых юридических лиц.

В вузовском сегменте науки происходили подобные процессы. Правда, численность университетов и других вузов, выполнявших исследования и разработки в 1997—2005 гг., оставалась практически прежней (на уровне 404). В научный сектор высшего образования включены вузы, вне

зависимости от правового статуса, НИИ, экспериментальные станции и клиники, находящиеся под контролем или управлением вузов. В большинстве вузов преобладает кафедральная форма выполнения научных работ. В период структурных преобразований 1990-х гг. вузы потеряли значительную часть своих конструкторских, проектных организаций и опытных заводов. Произошло это прежде всего по причине резкого сокращения работ по хозяйственным договорам, которые до реформы составляли до 80 % бюджета научных подразделений вузов [3, с. 28]. Поскольку процессы в науке в целом и в вузовской науке в частности протекают аналогично, то очевидно следующее: структурная модернизация академической науки «переросла» в формы собственного выживания, не всегда ориентированные на внутрироссийские научные задачи [2] и в вузах (особенно в отношении распределения грантов, финансирования регионов, вузов, направлений и кафедр) могут обнаружиться аналогичные черты.

Динамика научных кадров в последнее время непривлекательна. Среднегодовая численность занятых в науке и научном обслуживании в стране в целом в 1997 г. составляла 2,2 % от числа занятых в экономике, в 2004 г. — 1,9 %. В 2005 г. среднегодовая численность занятых на постоянной основе в отрасли «Наука и научное обслуживание» составила 1196 тыс. человек, что на 13,2 % меньше, чем в 1997 г. [2, с. 121]. Широко известен феномен старения кадрового состава науки, постоянный отток молодежи за рубеж, в мировые научно-исследовательские центры.

Среди характеристик научной сферы важное значение имеют отраслевая и региональная структуры участия. Отраслевые академии (сельскохозяйственных наук, медицинских наук, образования, архитектуры и строительных наук, академия художеств) выполняют большие объемы научных работ. Эти академии сотрудничают с вузами, где сосредоточены научно-исследовательские институты, центры и другие учреждения академий. В территориальном отношении научное пространство обслуживают Дальневосточное, Сибирское и Уральское отделения РАН. Научные силы неравномерно распределены по регионам и отраслям. Так, свыше половины научных сотрудников работают сегодня на оборонноспособность страны, где более 70 % научной продукции приходится на ОПК [4, с. 1]. В свете этих данных видны сложное устройство, проблемы организации и важность научной деятельности в целом. Вместе с тем в академических кругах сложилось мнение (В. Фортов, академик, секретарь Отделения энергетики, машиностроения, механики и про-

цессов управления РАН), что у нас, к примеру, нет специалистов для создания лазеров для термояда, работ по сверхнизким температурам, в стране разрушено научное приборостроение, существует дефицит специалистов по паросиловым установкам, на которые делается ставка в решении проблемы увеличения энергетической мощности страны.

Среди факторов, определяющих приток или отток работников в сфере науки, можно назвать следующие: инновационная значимость отрасли; перспективы открытий; уровень финансирования науки по направлениям; сложность исследовательской работы и способов получения новой информации; число и качество работы организаций, ведущих подготовку аспирантов и докторантов, а также количество советов по защите диссертаций в регионе; необходимость финансовых затрат на подготовку и издание научных работ и др. Решение о выборе рода занятий в научной сфере делается, как правило, с учетом названных обстоятельств.

О значении и неравнозначности некоторых причин в стимулировании притока молодежи в науку красноречиво говорят данные социологических исследований. Например, среди юристов и политологов 39,1 % аспирантов намерены в будущем писать и защищать докторские диссертации, тот же показатель у историков составляет 31,6 %, философов — 27,3 %, химиков — 8,9 %, педагогов — 10 %, экономистов — 11,4 % [2, с. 379]. Данные различия, на наш взгляд, во многом определяются перечисленными выше факторами, причем решающую роль играют состояние отрасли и личностная система мотивов. Замечено также, что в эпоху смены политического режима, устройства власти (как это было во времена революционных преобразований, а также в начале 1990-х гг. в нашей стране) резко возрастают возможности развития научного осмысления проблем в правовой сфере, политической науке, экономической теории и сфере идеологии.

Как показывают специальные исследования, мотивации деятельности, системы мотивов творческого познания у молодых людей складываются до вуза и на первом курсе. Высшее образование, в свою очередь, является инструментом социального продвижения личности и содержания подготовки к профессиональной деятельности [5, с. 135—138]. На принятие решения работать в научной сфере конкретного государства оказывает влияние (по свидетельству того же академика В. Фортова) не столько заработная плата, сколько отношение к науке в стране, условия и перспективы работы. С последними связана мотивация выбора.

Существует закономерность: амбициозные планы личности способствуют интенсивному движению к цели. Но амбиции нуждаются в постоянном «подогреве» информацией не только о возможности получения более высокого статуса (например, после защиты диссертации), но и об уровне оплаты деятельности. Кадровый состав высшей школы привлекает в науке не только содержание деятельности, но и характер финансирования сферы. В целом этот вопрос решается, однако внутренние затраты на научные исследования в долях от ВВП в России составляют 1,51 % против 2,7 % в США, 3,1 % — в Японии, 1,8 % — в странах ЕС [6, с. 72]. В 2005 г. валовые затраты на науку в России составили примерно 310,3 млрд руб., в том числе 222,5 млрд руб. — внутренние затраты и 87,8 млрд руб. — внешние. Внутренние затраты складываются из внутренних текущих (213 млрд руб.) и капитальных затрат (8,9 млрд руб.). Доля заработной платы в составе внутренних текущих затрат составила в России в 2005 г. 43,5 % или 92,0 млрд руб. В том же году внутренние затраты на исследования и разработки (222,5 млрд руб.) в 9,1 раза превысили этот же показатель по состоянию на 1997 г. [2, с. 122]. Сложная разветвленная система организации науки обеспечивается финансированием по многим направлениям. На отраслевые фундаментальные, прикладные исследования, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по государственным контрактам государство выделяет значительные средства. Для этого оно использует инструмент федеральных программ и подпрограмм, сеть федеральных агентств, фондов и др. Только в разделе «Национальная экономика» бюджета страны на 2006 г. предусматривалось свыше 50 направлений финансирования прикладных исследований и НИОКР [7, с. 44]. На эти цели планировалось потратить сотни миллиардов рублей.

Особым направлением развития науки является повышение конкурентоспособности отечественных высоких технологий. На это, в частности, направлена федеральная целевая программа «Национальная технологическая база» на 2007—2011 гг., которая оценивается в 100 млрд руб. Расходы на проведение научно-исследовательских работ по этой программе предусмотрены в размере около 36 млрд руб. [8, с. 2].

Наиболее приближенной к истинной (или «чистой») характеристике финансирования вузовской науки (куда студент имеет больше всего шансов попасть) является *динамика внутренних затрат на исследования и разработки*, включающая долю заработной платы, поступающей из государственного бюджета. Специальные расчеты

исследователей, учитывающие инфляцию, показывают, что происходит объективный процесс *снижения* прямого финансирования исследований и разработок за счет средств федерального бюджета. Несмотря на ежегодное существенное увеличение государством номинальных ассигнований на содержание и развитие науки (в реальных ценах за вычетом инфляции) среднегодовой рост ассигнований составляет не более 15 %. Этих средств хватает, в лучшем случае, на содержание науки, а на развитие — не остается. В таких условиях ученым приходится рассчитывать на иностранные инвестиции [2, с. 126]. Из данных табл. 1 видно, что почти третья часть вузов не получает финансовых поступлений для основной профильной научно-исследовательской деятельности, а потому вынуждены вводить платные аспирантуру и магистратуру. Проблемой является вынужденное налоговое отчисление (до 56 % от средств, выделяемых на ту или иную тему).

оказаться еще больше. В целом обозначаются две основные проблемы развития вузовского сектора науки: проблема кадрового дефицита (очевидно, связанного с профилем подготовки) и проблема достаточного и надежного финансирования (в частности, заработной платы). Тяжелое положение продолжает сохраняться с инвестированием в фундаментальную науку, в которой задействованы и вузы. Научный потенциал страны снизился по всем ключевым направлениям исследовательских и опытно-конструкторских работ. За последние пять лет доля расходов на науку в целом российском бюджете ни разу не достигала установленных законом 4 %. Численность работающих в научно-технической сфере уменьшилась в 2,5 раза — с 2 млн в 1990 г. до 800 тыс. в 2001 г. За эти годы почти 50 тыс. физиков, математиков, программистов и других ученых уехали работать в США и страны Западной Европы. В результате Россия понесла ущерб в 150 млрд дол. [10, с. 4—5].

Таблица 1

Виды финансовых поступлений для поддержания профильной деятельности в научных организациях различной принадлежности в 2005 г., % [2]

Виды поступлений	Принадлежность организации			
	РАН	Другие академии	Отраслевые	Вузы
Поступления на основную профильную для организации исследовательскую (проектную, конструкторскую) деятельность	78,3	75,1	82,5	69,9
Поступления от непрофильной для организации исследовательской (проектной, конструкторской) деятельности	3,4	3,2	6,2	2,9
Поступления от образовательной деятельности (магистратура, аспирантура)	5,8	9,6	3,8	10,1
Поступления от непрофильной консалтинговой деятельности	0,8	0,4	1,3	0,0
Поступления от непрофильной производственной деятельности	2,2	2,0	4,1	5,9
Поступления от иной непрофильной деятельности	0,4	3,2	2,2	3,7
Поступления от сдачи в аренду части основных и вспомогательных помещений	8,1	13,3	15,3	4,7
Прочие (включая спонсорские) поступления	3,5	3,2	3,0	4,2

Очевидным показателем отношения государства к научной сфере являются суммы вложений в вузовскую науку, на саморазвитие образования. На 2007 г. финансирование статей «Прикладные научные исследования в области образования» и «Выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по государственным контрактам» составило 1 772 720 тыс. руб. [9, с. 26]. С учетом других государственных вложений (по статьям «Высшее профессиональное образование», «Государственная поддержка в сфере образования» и др.) данная сумма может

Российские исследователи обращают внимание не только на объемы финансирования, но и на его структуру, управление, инструменты развития. Оказывается, что в Концепции федеральной целевой программы развития образования на 2006—2010 г., подписанной председателем Правительства 3 сентября 2005 г., выбраны административно-бюрократические пути модернизации образования. 27,4 млрд руб. (или более 60 % финансовой «стоимости» программы) должно пойти на оплату труда чиновников и «ведение административно-бюрократических игр на образова-

тельном поле». Еще 16,7 млрд руб. должны обеспечить (при сосредоточении механизма распределения этих средств в руках чиновников министерства) совершенствование и содержания и технологий образования [11, с. 101]. Заложницей таких отношений становится и вузовская наука. По расчетам специалистов, только около одной пятой выпускников бакалавриата сможет поступить в магистратуру и в основном на коммерческих условиях [11]. Это означает, что у выпускников вузов резко уменьшаются перспективы продолжить научную деятельность. Хотя, с другой стороны, возрастает конкуренция. Проблемой в регулировании финансовых расходов на вузовскую науку представляется преобладание административного способа распределения средств на развитие научной деятельности и неадекватность последующего «растекания» денег по внутриотраслевым и внутривузовским направлениям.

Дефицит средств на существование науки и целенаправленные политические меры по изменению ее статуса нередко порождают конфликты. Примером может служить взаимодействие между Министерством финансов и Российской академией наук, суть которого — в попытке ограничить самостоятельность научного учреждения и обусловить его деятельность либо бюджетной либо внебюджетной схемой финансирования. Такой способ регулирования напрямую затрагивает интересы ученых [12, с. 15]. При этом сохраняется преобладание социетального интереса академической науки. На силы, которые препятствуют поступательному движению академической науки, весьма красноречиво указывает подзаголовок одной из статей Ю. Медведева: «Чиновники перечеркивают стимулы для науки» [12]. Одобренная межведомственной комиссией по научно-технической политике Стратегия развития науки и инноваций впервые в деталях прописывает сложную конструкцию инновационной системы. В числе препятствий на пути к созданию такой системы называются: незаинтересованность нашей экономики в научных разработках, отсутствие законодательной базы для ведения инновационной деятельности, недооценка частью органов государственной власти социально-экономической значимости развития инновационных процессов в стране. Вряд ли это относится лишь к сектору академической науки. Сомнение относительно недооценки органами государственной власти значимости развития инновационных процессов вызывает то обстоятельство, что в том же номере федеральной газеты помещены: Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2006 г. № 89 «О мерах государственной поддержки образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы» и «Пра-

вила предоставления в 2006 г. бюджетам субъектов РФ субсидий на внедрение инновационных образовательных программ в общеобразовательных учреждениях субъектов РФ и муниципальных общеобразовательных учреждениях» [13, с. 14]. Меры государственной поддержки образовательных учреждений, занимающихся инновационной деятельностью, представляя собой финансовый и организационный механизм внедрения инноваций. Немаловажен и социальный аспект финансирования. В стране впервые за долгие годы предусматривается смета расходов на строительство общежитий для студентов, аспирантов, квартир для молодых ученых.

С трудом в процесс финансирования науки и образования вовлекается бизнес. Ю. Медведев полагает, что «мотором», который мог бы запустить механизм инновационной деятельности в научной сфере, можно считать спрос на разработки со стороны промышленности. Дело в том, что в предыдущем проекте Стратегии были предложены меры, стимулирующие инновационный бизнес (в том числе снижение налогов, взимаемых с предприятий, внедряющих идеи). Но, как выясняется, по настоянию Министерства финансов эти стимулы были изъяты из проекта. Представитель этого ведомства игнорировал решение совещания Межведомственной комиссии по научно-технической политике, предлагающее стимулирование бизнеса, что говорит о противостоянии ведомств и о стремлении финансистов экономить на науке, используя поправки, вносимые в Бюджетный кодекс. Предлагая срочную разработку документов по реализации Стратегии, А. Фурсенко подчеркнул, что Министерство образования и науки не примет представленный Министерством финансов вариант поправок в Бюджетный кодекс, перечеркивающих представленную Стратегию, лишаящих самостоятельности РАН [14, с. 31]. Эти же меры сокращают ресурсы вузовской науки.

Государство постоянно предлагает различные инструменты и технологии финансирования науки, постепенно возвращаясь к идее управления процессами в высшей школе и научной сфере. Еще осенью 2005 г. предполагались отмена Единой тарифной системы (ЕТС) и введение *отраслевых* систем оплаты труда работников бюджетной сферы (куда включена и наука), однако этого не произошло. В различных отраслях сферы ранее было намечено применение собственных критериев оплаты труда представителей разных профессий [15, с.1; 4].

Государство остается главным регулятором отношений между вузовской системой науки и властью. Доказательством такого положения служит ряд мер. В декабре 2005 г. принят документ

под названием «Единые рекомендации по системам оплаты труда работников организаций, финансируемых из федерального, региональных и местных бюджетов, на 2006 год». Согласно этому документу, уже подготовлены Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих (ЕКС) и Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих (ЕТКС) [16, с. 10]. Данный факт означает, что на 2006 г. в организации жизни вузов ведущую роль будет играть не отраслевая сетка оплаты труда, а Единая Тарифная Сетка (ЕТС). В определенной степени речь идет о централизации управления нормативной базой обеспечения финансовой основы деятельности науки. В поисках рационализации расходов на систему высшего образования государство идет на решительные шаги, усиливает централизацию управления наукой. Например, в течение 2005—2006 гг. велась работа по определению комплекса критериев оценки деятельности вузов, определения их статуса и, соответственно, — уровня финансирования. Введение рейтинговой системы оценки деятельности высших учебных заведений предполагает с 2007 г. увеличение финансирования и его распределение по определенной системе: 20 вузов получают статус национальных вузов Федерального значения, 300 — межрегиональных и 300 — региональных вузов. В вузах этих уровней будут введены новые нормы финансирования. Так, если сегодня государство в целом выделяет 21,5 тыс. руб. на обучение одного бюджетного студента в год, то в национальных вузах эта сумма составит около 140 тыс. руб., в межрегиональных — 84 тыс. руб., а в региональных — 56 тыс. руб. в год [17, с. 22]. (В нее входят и затраты на формирование научного мышления студентов.) Разумеется, современный рейтинг вуза предопределяет и долю финансирования научной деятельности вузов, особенно новых национальных университетов.

Для дифференциации вузов по уровню достижений подготовлены определенные инструменты образовательной политики в форме требований и критериев работы. Так, в приказе службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) №1938 от 30 сентября 2005 г. приводятся показатели деятельности высших учебных заведений и критерии государственной аккредитации вузов. Среди важнейших показателей: качество подготовки специалистов; уровень *организации научно-исследовательской работы студентов*; научная, научно-техническая деятельность и ее результативность [18, с. 19].

В мировой практике существуют и иные схемы управления наукой. Так, на 78 институтов,

входящих в германское Общество Макса Планка, выделяется денег меньше, чем имеет один крупный американский университет, например Йельский или Стэнфордский. Между тем по индексу цитирования и числу публикаций в ведущих журналах мира Общество Макса Планка опережает эти американские университеты. В немецких институтах создана продуманная система управления наукой. Например, немцы с педантичностью отправляют на пенсию даже выдающихся ученых, если они достигли определенного возраста, но на достойную пенсию и с предоставлением права продолжения (очевидно, «на общественных началах») научной работы в родном институте. Существует жесткая система оценки работы научных коллективов. Со всего мира в институт раз в пять лет приезжает команда ученых-асов и досконально изучает научную тематику. Институты доказывают международным экспертам, что их исследования, хотя бы в перспективе, могут, к примеру, претендовать на Нобелевскую премию. Таким образом в институте создается атмосфера взаимной ответственности и состоятельности, ориентации на мировые достижения [19, с. 12]. В свете перехода к системе международной сертификации образовательных подразделений и учреждений, возможно, что подобный опыт ожидает и нас, и здесь неминуемо встают вопросы пенсионного обеспечения ученых, разработки системы критериев финансирования науки, ротации кадров, привлечения молодежи в научные коллективы.

В целом можно сказать, что существуют объективные правовые, материальные и финансово-организационные предпосылки развития научного процесса с участием студенчества, другой его стороной является отношение студентов к участию в научной деятельности, а также степень их вовлеченности в науку.

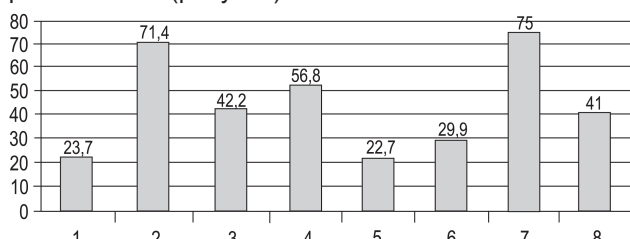
Участие студентов вузов в научно-исследовательской работе

Одним из показателей-факторов, одновременно отражающих и направляющих движение студентов к научной деятельности, считается их информированность о научной деятельности [2, с. 385].

Осведомленность человека об истинном положении вещей, сравнение своего экономического состояния с положением других людей — коллег по профессиональной группе составляет основу *социальной самоидентификации* человека. Самоидентификационная составляющая отношения является элементом социализации личности. Она затрудняется, если изменяются привычные реа-

лии жизни: идеологические, политические, экономические, культурно-духовные; разрушаются связи между сферами и их отражением в сознании людей. Таким смещением в системе ориентации студентов можно считать изменение отношения государства к системе научной деятельности, его неупорядоченность и неравнозначность к направлениям, формам и содержанию научной деятельности на уровне вузов, факультетов, научных школ. Не секрет, что часть научных направлений, отраслей (например, в социально-гуманитарных науках) как бы не существует для академических споров и конфликтов.

Уровень информированности студентов о возможностях использования форм НИРС в целом по вузам России составлял в 2005 г. 42,7 %, причем в разных отраслях науки этот показатель различается (рисунок).

Профили: 1 — сельскохозяйственный; 2 — медицинский; 3 — технический; 4 — естественно-научный; 5 — юридический; 6 — экономический; 7 — педагогический; 8 — гуманитарный

Рисунок. Уровень информированности студентов о возможности участия в НИРС вузов различной отраслевой принадлежности, % [2]

Объективные возможности включенности студентов в науку, близость студентов к сфере научной деятельности различаются в зависимости от профиля учебного заведения. Сильным фактором формирования интереса студентов к науке (наряду с уровнем финансирования, информированностью, образовательным профилем, курсом обучения, регионом) выступает организационный момент участия, вклад всех участников образовательной и научной деятельности в общий процесс развития науки. Лабораторией социологических исследований ВГУ отслежена определенная динамика участия воронежских студентов в научно-исследовательской работе (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Участие воронежских студентов в научно-исследовательской работе по годам, % [20, с. 49]

Годы	Участвуют	Не участвуют
1983	29	71
1990	28	72
1998	27	73
2003	31	69

В силу творческого характера научной деятельности и наличия определенных способностей к ней, данные табл. 2 нельзя воспринимать в одной плоскости. Замечено, что смена политического режима мало повлияла на увеличение научной активности студентов. Важнее оказывается уровень организации деятельности, связанной с разрывом академических научных связей и недофинансированием. Однако плачевное состояние образования вплоть до начала XXI в. сопровождалось соответствующей динамикой отношения студенческой молодежи в научной работе.

Как показывают общероссийские исследования, существуют 4 формы участия студентов в НИРС:

- 1) сбор и обработка информации (17,7 %);
- 2) проведение лабораторных (полевых) исследований (7,7 %);
- 3) анализ полученной в ходе опытов информации (7,7 %);
- 4) техническое обслуживание научных исследований 4,1 % [2, с. 388]. При этом ведущей мотивацией (на уровне 18,8 %) является использование научной деятельности в качестве инструмента профессионального развития.

Научная социализация личности студента обязательно должна включать в себя представление результатов в публичной форме. В 2003 г. лаборатория социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ провела исследование ценностей научной деятельности. Среди форм научной социализации студенты выделяли: выступления с докладом или сообщением на научных конференциях (39 %); участие в конкурсах студенческих работ по специальности (30 %); размещение публикаций в научных журналах, сборниках трудов (25 %); выступления в научных кружках (20 %); регистрация изобретений, открытий в патентном бюро (19 %). Отметим, что на участие в конкурсах студенческих работ по общественно-гуманитарным дисциплинам указали лишь 8 % студентов [20, с. 51]. В определенной степени этот факт говорит о статусе общественно-гуманитарного знания в вузах.

Сущность проявления активности студентов в научной сфере достаточно сложна и видна, в частности, в их отношении к научному чтению.

Отношение студентов к чтению научной литературы

Исследование проблем научного чтения в вузах Воронежа показало, что основной причиной внимания вузовской молодежи к научным текстам является «стремление таким образом расширить свой кругозор, стать знающим специалистом» (42,9 % опрошенных).

На втором месте по числу сторонников оказалась такая цель научного чтения, как стремление соответствовать требованиям педагогов — «читаю потому, что так требуют преподаватели» (26,7 %). Конечно, неопытным молодым людям нужен своего рода лоцман в море научной деятельности, но настоящий интерес, потребность повседневного приобщения к новому знанию «из-под палки» вряд ли сформируются. С другой стороны, при дефиците у студентов настойчивости и воли, наличии лени (что также обнаружено нашим исследованием студенческого образа жизни) педагогическое «давление» как метод стимулирования активности студентов вполне оправдано. Любопытно, что «пик» такого способа приобщения к научным тайнам приходится на третий курс, когда преподаватели вправе ожидать серьезного отношения студентов к освоению специальных знаний, неотделимого от научного труда.

«Просто мне интересно читать» — такой ответ выбрали 21,8 % опрошенных — носители неподдельного интереса к научной литературе, которые могут составить «костяк» активизации научного мышления в студенческих группах. Формулировка «в научной работе студенту без чтения статей и монографий не обойтись» (19,6 %) содержит два момента: так могут заявлять либо «жертвы» педагогического давления на научном поприще, читающие по требованию преподавателей, либо студенты, глубоко осознающие связь своего профессионального образования и научного познания специальности.

Молодые люди, сознательно увязывающие качества специалиста с научной подготовкой, выбрали вариант «современный специалист формируется главным образом благодаря чтению основной научной литературы — монографий по специальности и научных публикаций в виде статей» (19,4 %), примерно пятая часть студентов воронежских вузов устойчиво ориентируется на важность научной составляющей своей профессиональной подготовки. Прагматиков, рассматривающих научное чтение как средство для получения хорошей оценки на экзамене, среди опрошенных чуть меньше — 17,3 %. Вариант «чтение — важный способ приобщения к науке» выбрали 12 % респондентов, причем о продолжении научной деятельности в аспирантуре заявили лишь 6,3 % студентов.

Радует об обстоятельство, что среди опрошенных студентов не так велика доля «показушников», т.е. старающихся с помощью научной занятости показать себя, выделиться из среды сверстников, всего 5,8 %.

«Внешняя» мотивация научной активности на определенной ступени приобщения к актуальным

текстам легко может перерасти в систему глубоких научных интересов, однако не все студенты вообще видят смысл тратить время на специальное чтение. Так, каждый одиннадцатый из них (9,3 %), вообще не читает научных текстов, не усматривая в этом особого смысла. Следовательно, учебный и научный процессы для такой категории студентов стоят особняком. Им каким-то образом удается «отфильтровать» учебный материал по специальным предметам, построенный на базе научных сведений и методологии, от процедур научного осмысления. Очевидно, существует группа учебных дисциплин с малым присутствием научного поиска, научной новизны. Но в основной массе изучаемых предметов научные данные все равно присутствуют и неотделимы от учебного материала. Вполне возможно, что студентов с такими взглядами на образование в вузе интересуют заветные «корочки», а не содержание специальности, применение полученных знаний в будущей работе.

В динамике по курсам оценки студентами стремления при помощи чтения научных текстов расширить свой научный кругозор мало отличаются. Совсем незначительно, всего на 2,3 %, уровень оценок у второкурсников превышает уровень оценок, данных студентами четвертого курса. Доля студентов, выбравших такую причину чтения научной литературы, как требование преподавателей, среди третьекурсников на 4,8 пункта выше, чем у четвертого курса. Студенты взрослеют, перестают формально относиться к науке. То обстоятельство, что 26,9 % студентов второго курса ориентированы в своем приобщении к науке на преподавательские требования, может быть объяснено их меньшей самостоятельностью, поскольку они делают лишь первые шаги в науке с помощью педагогов. В этом свете «несамостоятельность» третьего курса — следствие интенсивности образовательного процесса на своеобразном «перевале» студенческой жизни: требования со стороны педагогов являются дополнительной стимулирующей мотивацией деятельности.

Негативное впечатление оставляет постепенное, но неуклонное снижение от курса к курсу доли тех студентов, кому «просто интересно читать» научную литературу. Понятно, что у второкурсников может сохраниться наивное впечатление о сущности научной работы, а под влиянием некоторой «эйфории» восприятия научной деятельности на первом курсе их интерес может даже усиливаться. Одновременно признание того, что «в научной работе студенту без чтения статей и монографий не обойтись», характеризуется некоторой динамикой нарастания числа сто-

ронников от курса к курсу, т.е. опыт студентов к четвертому курсу убеждает их в истинности данного утверждения (правда, такой убежденностью обладает лишь каждый пятый респондент). В унисон данному суждению звучит формулировка «Современный специалист формируется благодаря изучению основной научной литературы — монографий по специальности и научных публикаций в виде статей», как бы дополнительно убеждающая студентов в важности научного чтения. Видимо, поэтому она нашла примерно такое же число сторонников, как и предыдущая, и особого контраста в ответах студентов разных курсов здесь нет, разве что чуть серьезнее ее восприняли студенты третьего курса.

Четкая ориентация на инструментальное использование научного чтения, на завоевание более высокого статуса студентами второго курса видна в ответах на пункт «Читаю для того, чтобы просто получить хорошую оценку на экзамене». Менее всего связывают чтение научных текстов с этим инструментальным мотивом третьекурсники. Очевидно, у них в запасе свой арсенал средств воздействия на экзаменационную ситуацию, исключая необходимость усиленно читать научные статьи и монографии. Доля сторонников формулировки «Такое чтение — важный способ приобщения к науке» одинакова на втором и четвертом курсах — 11 %, а на третьем курсе она повышается до 14,3 %, и хотя повышение явно незначительное, оно может означать, что именно на третьем курсе больше увлеченных научной деятельностью, либо напряженность обучения на данном курсе стимулирует серьезное восприятие научного чтения.

Доля студентов, не видящих смысла в научном чтении, максимальна на втором курсе и далее снижается, но не опускается ниже 8,2 % (третий курс). Вполне возможно, что и эти студенты не безнадежны с точки зрения научного развития.

По каким-то причинам доля студентов, связывающих потребление научной информации с ориентацией на продолжение обучения в аспирантуре на третьем курсе ниже, чем на втором и четвертом. Вероятно, какую-то часть студентов отвратила от мысли о научной карьере необходимость интенсивной учебы на «переломе» студенческого пути. Не исключено, что такую разницу диктуют «волны» студенческого набора, которые выбрали разные доли желающих учиться дальше. Хотя закономерность возникновения таких «волн» в студенческой массе города вряд ли возможна: все дело в специфике обучения на разных курсах.

Наконец, на всех трех анализируемых курсах

неодинакова доля «показушников», стремящихся путем научной занятости выделиться из студенческой среды, показать себя. На третьем курсе желающих таким странным образом проявить себя в два с лишним раза меньше, чем на четвертом. Так или иначе «внешний» эффект научной занятости привлекает в целом от 3,3 до 8,0 % студентов. По сравнению с другими курсами, доля студентов, пытающихся «показать себя», среди студентов старшего — четвертого курса несколько выше. Странно, но «игра в хорошего студента» продолжается в течение основной части периода обучения и к четвертому курсу вовлекает как способ существования каждого тринадцатого обучающегося.

На наш взгляд, представляет интерес и отношение студентов к чтению научных текстов в зависимости от профиля обучения: гуманитарного, естественнонаучного и технического.

У студентов-гуманитариев основной причиной научного чтения отмечается требование преподавателей (45,9 %). Эти же студенты увидели в чтении научных статей и монографий способ расширения своего научного кругозора, сопряженный со стремлением стать хорошим специалистом (37,8 %).

У студентов естественнонаучного профиля обучения увлеченность научным чтением для расширения кругозора и качественного совершенствования на 14,2 пункта выше по сравнению с гуманитариями. Только каждый шестой студент-естественник (16,4 %) читает научную литературу «по принуждению» — по требованию преподавателя. Причина тому, с одной стороны, — определенный подъем естественнонаучной отрасли и привлекательность этого профиля в сознании будущих специалистов; с другой — некоторое отставание гуманитарного направления развития науки либо по темпам, либо по качеству развития. В итоге низкий уровень социально-гуманитарной компетентности зачастую не позволяет значительному числу выпускников вузов полноценно реализовать себя в трудовой деятельности [21, с. 9]. Эта проблема актуальна и для технической науки. Не случайно расширение кругозора и стремление к совершенствованию в рамках специальности отметили всего 38,6 % студентов технического профиля. На преподавательские требования в организации научного чтения ориентирован каждый пятый студент технического образования (19,9 % от числа опрошенных в этой группе).

Одной из причин полученного «расклада» приоритетов можно считать содержание деятельности естественнонаучного сообщества, задействованного в опросе: медико-биологическое (будущие

медики) и естественно-физическое (геологическое, физкультурное и физическое направления).

Для гуманитариев характерна констатация: «в научной работе студенту без чтения статей и монографий не обойтись» (29,9 %). У студентов естественно-научного профиля на второе место вышла совсем другая причина — признание в том, что современный специалист формируется благодаря чтению научной литературы (26,7 %), т.е. они прямо увязывают свою подготовку с научным чтением. В то же время студентов-естественников, которые связывают свое научное чтение с расширением кругозора в два раза, больше — 52,0 % против 26,7 % у студентов иных отраслей. Судя по успехам наших биологов и химиков на международной научной арене, они успешно реализуют свои мировоззренческие преимущества. Наконец, у студентов технического профиля на втором месте находится такая причина, как простой интерес к чтению подобного рода (для сравнения — у гуманитариев такой интерес стоит на пятом месте — 20,1 %). На третьем месте у студентов технического направления — чтение по требованию преподавателей (19,9 %). Заметим, что в целом пристрастие к научному чтению у студентов технического профиля обучения гораздо ниже, чем у их коллег. Доля не видящих смысла в таком чтении среди этой группы студентов достигает 16,3 %, тогда как среди естественников — 7,9 %, гуманитариев — 2,7 %.

Характерно, что среди гуманитариев свыше четверти студентов ориентированы на экзаменационную ситуацию в своем чтении научных статей и монографий (26,5 %). Такого не наблюдается ни среди студентов-естественников, ни среди будущей технической интеллигенции (там эту причину выбрали соответственно 11,2 и 15,1 % респондентов). Как способ приобщения к науке воспринимают через чтение специальных текстов до 17,3% студентов естественно-научного направления, в то время как у гуманитариев — 8,8 %, а у техников — 9,5 %. Таким образом, у студентов каждого профиля — собственная специфика отношения к чтению научной литературы, которая и определяет стратегию их поведения в научной сфере. Мы рассмотрели, каким образом сгруппировались поведенческие принципы-цели, раскрывающие личностное отношение студентов к научному чтению. При отвлеченной от личностного постановке вопроса в форме «Что дает студенту участие в научной работе?» мы получили возможность подкрепить личностные позиции студентов относительно научной деятельности и одновременно получить мнение студентов об этой деятельности как бы со стороны.

Отношение студентов к научной работе

В 2006 г. студентам дневного отделения девяти факультетов ВГУ в электронной форме задавался вопрос о факторах, способствующих и не способствующих их учебному успеху [22]. Из баланса общего числа ответов можно сделать вывод, что в идеале наиболее способствующими (сильными) факторами являются: самостоятельность студентов; стремление к прочным знаниям; удовлетворенность выбором специальности; качество преподавания и научно-методической помощи; материальное стимулирование обучения. Показатель значимости научной работы (отражающий как реальную включенность студентов, так и ее полезную эффективность) сильно различается в зависимости от факультета. Например, на юридическом факультете величина значимости для студентов научной работы в индексах (возможный диапазон значений индекса семантического дифференциала составляет от +1,0 до -1,0) достигает значения +0,61, на химическом факультете — +0,74, на фармацевтическом — +0,66. В данном случае видны более ослабленные возможности научно-исследовательской деятельности у будущих юристов. Трудности научной работы, зафиксированные в исследованиях Ф. Э. Шереги и М. Н. Стриханова, отражены и в наших данных. Ясно видна закономерность: высокий уровень информированности студентов о сущности научной деятельности в вузе сочетается с развитым интересом и повышенным уровнем оценки полезности данного вида работы для личного развития [2, с. 386, 389].

Интересно, что согласно данным лаборатории социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ, отношение студентов технического, естественно-научного и гуманитарного студенчества к науке (в частности, участие) совсем неодинаково. Среди гуманитариев доля участвующих в научной работе составляет 42 %, среди технического студенчества — 20 %, а в группе естественников — 32 % [23, с. 49]. Эти различия заставляют задуматься о различных состояниях отраслей науки по профилям, о силе научной притягательности направлений науки для молодежи, сообразно эпохе, социальным веяниям, практике популяризации научной деятельности, вниманию властей и научного управления и т.п. В этом свете представляет интерес социальный аспект развития научной вовлеченности студентов. Он проявляется в стремлении к публичности анализа и обмена опытом деятельности, в наличии и особенностях функционирования научных школ, в формировании представлений молодежи о *единстве научного пространства*.

Ценность научной работы воспринимается студентами-гуманитариями, естественниками и представителями технического профиля достаточно однозначно: 57 % студентов гуманитарного профиля считают, что научная деятельность расширяет и закрепляет профессиональные знания и умения; студенты естественного профиля завышают ценность этого качества науки на 7 пунктов, а студенты технического — наоборот — занижают на 8 пунктов. Отметим, что в 2003 г. молодые гуманитарии из числа студенчества гораздо выше оценили научно-литературную составляющую научной работы (2 место среди достоинств научной формы работы), чем их коллеги-естественники и представители технического профиля (поставили на 4—5 места) [23, с. 54]. Можно предположить, что данные различия носят субъективистский характер, в их основе неодинаковые взгляды на мировоззренческую составляющую познания. Одна из причин — искусственное разделение единого пространства научного познания.

Несмотря на различия между сущностью технической, гуманитарной и естественнонаучной отраслей научной деятельности, пространство науки в целом остается *единым*. Причин такой постановки вопроса несколько. Во-первых, в основе рассмотрения явлений лежит единая материалистическая методология (все отрасли изучают формы единой материи в их взаимопроникновении). Во-вторых, отрасли науки пользуются общепризнанными исследовательскими методами. В-третьих, в основополагающих концепциях каждой отрасли используются достоинства сопряженных сфер научной деятельности. В-четвертых, теория самопознания человека и теория отражения мира в его целостной картине связаны с процессом познания многогранного окружения. Некоторые зарубежные эксперты (М. Эпштейн, США) признают, что нынешнее состояние гуманитарных наук в США и России не вызывает энтузиазма. Это происходит в силу их обращенности к анализу и интерпретации классических текстов [24, с. 14]. Между тем именно гуманитарному образованию (и, разумеется, социально-гуманитарной науке) принадлежит будущее, так как это — *сфера самопознания человека*. В США всемирно известные ученые-естественники все чаще обращаются к проблемам философии, филологии, культурологии. Это делается потому, что естественные науки *стали упираться в предел своих знаний о мире*. Особенности нашей рефлексии, самопознания становятся сегодня ключом, с помощью которого можно открыть тайны естественно-научного строения мироздания, завершить картину мира, сложив огромный «пазл» из физической теории мира, из «кусочков» теории относительности,

квантовой механики, теории трех взаимодействий [24]. Образцами соединения технического мира с решением социально-мировоззренческих проблем могут служить: создание роботов, обслуживающих социальные нужды (в японских, например, семьях); использование технических и технологических достижений в создании электронных правительств, требующих широкого мировоззрения и т.п. Без сохранения единого пространства естественных, технических и социально-гуманитарных наук это сделать невозможно.

Перед организаторами вузовской науки стоят проблемы не столько массовости, сколько формирования субъектной ценности научной деятельности как таковой, ее мировоззренческой направленности. Формирование такого ценностного сектора возможно через научно-познавательные контакты преподавателей и студентов, партнерство, преодоление искусственных «перегородок» между отраслями науки, особенно в ходе изучения цикла дисциплин в новых университетах и академиях. Полагаем, что «усечение» (в часах) курсов дисциплин социально-гуманитарного цикла в процессе обучения студентов технического, естественно-научного и гуманитарного направлений ведет к отрицательным результатам в деле их приобщения к науке, не позволяет использовать преимущества единого пространства научной мысли в повышении качества образования и научной деятельности.

Одним из факторов повышения качества подготовки специалистов является интеграция учебно-познавательной и научной деятельности студентов. Наиболее ярким показателем такой интеграции служит изучение материалов научных монографий и статей в повседневном процессе учебы, при подготовке к экзаменам и зачетам. Социологическое исследование в ВГУ весной 2006 г. показало, что использование студентами научной литературы в целях обучения минимально. Например, научные статьи при подготовке к экзаменам и зачетам на факультете компьютерных наук использовали до 1,9 % опрошенных студентов, на факультете прикладной математики и механики — до 1,2 %. Монографии читали, соответственно: 1,0 % и 0,8 % студентов этих факультетов (на других факультетах картина не лучше) [22]. Эти данные говорят о проблемах формирования научно-литературной составляющей в познании и интеграции учебного и научного процесса.

Интеграции науки и учебно-познавательной деятельности объективно способствует разнообразие форм этих видов деятельности. Здесь неоспорима координирующая роль вузовского педагога. Однако существует проблема мотивации педагогического персонала к созданию у студен-

тов установок на научную деятельность. По исследованиям проблем качества в ВГУ в 2006 г., например, только 13,6 % студентов химического факультета и 16,7 % студентов факультета педагогики и психологии ощущают помощь преподавателей в процессе освоения науки «быть студентом». Около трети студентов этих факультетов отметили преподавательскую помощь в поиске нужной литературы к курсовым и дипломным работам, а от 18,9 % (химики) до 23,6 % (студенты ФИПСИ) утверждают, что им подробно излагается методика работы с учебным материалом. В таких условиях приобщение студентов к науке происходит трудно.

Неоценимый опыт анализа научно-образовательной и научно-производственной интеграции может дать изучение связей науки, вузов и производственных систем в особых экономических зонах, например, в соседней Липецкой ОЭЗ [25, с. 12]. Там складываются особые социально-экономические условия для взаимодействия науки, практики производственного процесса и учебно-познавательной деятельности. Примечательно, что даже липецкие лица становятся инициаторами создания научных обществ учащихся, в которых они работают над своими первыми научными проектами под руководством ведущих ученых технического и педагогического университетов.

Необходимо сказать о стимулировании участия молодежи в научно-исследовательской деятельности. На этот счет существует Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2006 г. № 765 «О порядке предоставления молодым ученым субсидий на приобретение жилых помещений в рамках реализации мероприятий по обеспечению жильем отдельных категорий граждан федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 годы» и соответствующие «Правила» [26, с. 1]. В числе других мер необходимо отметить стипендии аспирантам и докторантам, гранты молодым талантливым ученым, увеличение выплат за ученую степень и др. Еще одна сторона стимулирования научного участия — создание обстановки научного сотворчества в повседневном учебно-познавательном общении преподавателей со студентами.

Резюмируя изложенное выше, можно сделать следующие выводы:

1. Существует объективная необходимость повышения информированности студенчества о сущности научного процесса в вузах по всем направлениям науки, вопросам ее финансирования и организации в высшей школе, чтобы выравнивать отраслевую информированность.

2. Требуются специальные исследования проблем и путей интегрирования научного и учебно-

познавательного процессов, взаимодействия участников и статусов научных структур, специфики научной социализации кадрового потенциала, особенно в связи со структурным изменением высшей школы, инновационными тенденциями. Научный потенциал подготовки специалистов может быть увеличен за счет повышения научного уровня преподавания и содержания учебно-познавательного процесса, путем совершенствования мер по стимулированию научного труда.

3. Назрела потребность привлечения широкого вузовского сообщества к участию в анализе финансовых потоков на научно-исследовательские разработки, в том числе в связи с усложнением форм, многоканальности и условий финансирования. Есть необходимость привлечения экспертов к изучению готовности научно-образовательного комплекса университетов к воспроизводству специалистов по инновационным и актуальным направлениям функционирования и развития промышленности, экономики, системы управления, обслуживания, культуры, образования, науки и т.п. Не секрет, что за последнее время изменилась структура организации вузовской жизни, в том числе науки. Без четкого знания соподчинения и взаимных связей в сложной системе образования и науки нельзя достичь хороших результатов в организации деятельности высших учебных заведений. Тем более, что наиболее эффективные инновации сегодня возможны на «стыке» научных направлений и дисциплин, для чего требуется согласование программ подготовки специалистов, устранения дублирования.

4. Неоценимый опыт анализа научно-образовательной и научно-производственной интеграции может дать изучение связей научных школ, разнопрофильных вузов и производственных систем в особых экономических зонах.

5. Есть насущная потребность в создании единого пространства науки, в преодолении «антигуманитарного синдрома» в представлениях о роли социально-гуманитарных наук в познании картины мира с целью выхода на новые позиции в понимании целостности и многогранности социально-технических и естественно-социальных явлений.

Литература

1. Гонтмахер Е. Нацпроекты — это только начало / Е. Гонтмахер // Российская газета. — 2006. — 25 июля.
2. Шереги Ф. Э., Стриханов М. Н. Наука в России : социологический анализ / Ф. Э. Шереги, М. Н. Стриханов. — М. : ЦСП, 2006.
3. Миндели Л. Э. Гудкова А. А. Структура сети научных организаций : пути трансформации / Л. Э. Миндели, А. А. Гудкова. — М. : ЦИСН, 2004.

4. Гаверилов Ю. Бизнес-план министра обороны / Ю. Гаверилов // Российская газета. — 2006. — 19 дек.
5. См.: Виштак О. В. Мотивационные предпочтения абитуриентов и студентов / О. В. Виштак // Социологические исследования. — 2003. — № 2.
6. Зорников И. Н. Проблемы и перспективы развития научного сотрудничества России и ЕС / И. Н. Зорников // Вестник Воронежского государственного университета. — 2005. — № 2.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2006 год» // Российская газета. — 2006. — 8 дек.
8. 6,9 : рост нормальный // Российская газета. — 2006. — 29 дек.
9. Приложения к Федеральному Закону «О Федеральном бюджете на 2007 год» // Российская газета. — 2006. — 27 дек.
10. Реформирование России : реальность и перспективы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2001 году / под ред. Г. В. Осипова (руководитель), В. К. Левашова, В. В. Локосова. — М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2003.
11. Плакий С. И. Выступление на «круглом столе» : высшая школа России : разнообразие форм, ресурсов, перспективы / С. И. Плакий // Социологические исследования. — 2006. — № 8.
12. Медведев Ю. Академический распад / Ю. Медведев // Российская газета. — 2006. — 14 февр.
13. Российская газета. — 2006. — 22 февр.
14. Миссия инновационной стратегии // Российская газета. — 2006. — 13 сент.
15. Домчева Е. Держи кошелек шире / Е. Домчева // Российская газета. — 2005. — 23 нояб.
16. Российская газета. — 2005. — 23 дек.
17. Кукол Е. На экзамен к Шохину / Е. Кукол // Российская газета. — 2006. — 29 марта.
18. Российская газета. — 2005. — 27 окт.
19. Медведев Ю. Научное закрытие / Ю. Медведев // Российская газета. — 2007. — 12 янв.
20. Образовательные ценности и ориентации воронежских студентов / под ред. А. И. Верецкой, А. П. Дьякова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2006.
21. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Дымарская О. Я., Чередниченко Г. А. Социально-гуманитарное образование : ориентации, практики, ресурсы совершенствования / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, О. Я. Дымарская, Г. А. Чередниченко. — М. : ЦСП, 2006.
22. Архив лаборатории социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ, 2006 г.
23. Стеценко А. И. Ориентации воронежского студенчества на ценности научной работы (раздел 5) // Образовательные ценности и ориентации воронежских студентов / под ред. А. И. Верецкой, А. П. Дьякова / А. И. Стеценко. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2006.
24. Новоселова Е. Нет слов... (интервью с М. Эпштейном, США) / Е. Новоселова // Российская газета. — 2006. — 25 июля.
25. Российская газета. — 2006. — 29 дек.
26. Там же. — 27 дек.